

ЛЕКСИКО-ГРАМАТИЧНА КОРЕЛЯЦІЯ АБСТРАКТНИХ ПОНЯТЬ (ВІДСУТНІСТЬ – ЗАПЕРЕЧЕННЯ – ПУСТОТА)

Ольга Радчук

Кандидат філологічних наук, доцент,
кафедра слов'янських мов,
Харківський національний педагогічний університет імені Г.С. Сковороди
(УКРАЇНА)
61168, м. Харків, вул. Блюхера 2, e-mail: radchuk.o.v@ukr.net
UDC: 811.161.1'1

ABSTRACT

Radchuk O. V. Correlation of the notion absence with notions negation and emptiness

Researches into abstract notions are urgent in the context of contemporary cognitive linguistics. The notions *absence*, *negation* and *emptiness* are characterized by profound philosophical sense, though only *negation* is one of the categories of philosophy. If the notion *absence* can be synonymous to both other notions, notions *negation* and *emptiness* cannot be members of the same synonymous row, though they are related paradigmatically.

By using the methods of conceptual analysis the author concludes that notions *absence*, *negation* and *emptiness* can be situated on the semantic axis of transitivity, and their correlation will depend on their material representation. The author puts forward the hypothesis that lexical means to express the notion *absence* appeared due to semantic incompleteness of *nyet* and *bez* language prototypes since they did not express subjective nuances acquired by certain words.

Key words: correlation, notions *absence*, *negation*, *emptiness*, conceptual analysis, semantic axis of transitivity, prototypes.

Автор застосовує методіку концептуального аналізу мовних фактів та доводить, що поняття *відсутність* та поняття *заперечення* й *пустота* можуть знаходитися на семантичній вісі перехідності, а їхня кореляція буде залежить від матеріальних репрезентантів. Автором статті висувається гіпотеза про те, що лексичні засоби вираження поняття *відсутність* з'явилися тому, що мовні прототипи *ні* та *без* семантично неповні, вони не виражають суб'єктивні нюанси, які набули конкретні слова.

Ключові слова: кореляція, поняття *відсутність*, *заперечення*, *пустота*, концептуальний аналіз, семантична вісь перехідності, прототипи.

В практике описания языковых явлений и языковых категорий, в процессах их познания и осмысления учитываются философский, исторический и культурологический аспекты. Это связано с тем, что многие абстрактные понятия были созданы силой человеческого разума и возникли позже, чем сам феномен, который существовал до того, как был обозначен.

В контексте современной когнитивной лингвистики исследования абстрактных понятий приобретают особую **актуальность**. Несмотря на то, что имеется целый ряд работ, в фокусе внимания которых находятся феномены *пустота* и *отрицание*, тема себя не исчерпала, поскольку полного анализа этих понятий во взаимосвязи с понятием *отсутствие*, выполненных с учетом достижений когнитивной лингвистики, до сих пор нет.

Цель статьи состоит в сопоставлении понятия *отсутствие* с понятиями *пустота* и *отрицание* и определении особенностей их корреляции друг с другом на материале русского языка.

Понятия *отсутствие*, *пустота* и *отрицание* имеют глубокий философский смысл, хотя только *отрицание* является собственно философской категорией. Однако понятие

отрицание описывается с помощью понятия *отсутствие*. Понятие *отрицание* исследуется и как самостоятельный концепт, и как составляющая многих других концептов. Понятие *пустота* рассматривается в лингвистике как концепт, тесно связанный с концептом *пространство*. Если понятие *отсутствие* может быть синонимично понятию *пустота* и понятию *отрицание* одновременно, то указанные понятия не могут составлять один синонимический ряд, хотя, несомненно, связаны парадигматическими отношениями.

Как философская категория, *отрицание* выражает диалектическую связь между стадиями развития объекта, когда некоторые элементы объекта либо уничтожаются, либо сохраняются в новом качестве. Поэтому закон *отрицания отрицания* является одним из основных законов диалектики, подтверждающих непрерывное движение и развитие природы, общества, человечества, языка, культуры и других феноменов. Философы указывают на то, что «в теоретическом отношении *отрицание* является утверждением несуществования» [7, с. 327].

Отрицание может рассматриваться лингвистами как концепт. «Типизируя различные функциональные возможности отрицания в плане интерпретации результатов познания мира и его общего устройства, можно предположить, что структура концепта *отрицание* включает такие основные характеристики, как: *отсутствие, несоответствие, отрицательная оценка и отрицательная коммуникативная реакция*» [3, с. 14].

Очертив семантический круг ассоциативно связанных понятий *отрицание* и *отсутствие*, можно установить общий для указанных понятий языковой репрезентант (прототип). Им является слово *нет*, поскольку именно его использует большинство людей, говорящих на русском языке, с целью выразить данные понятия. Слово *нет* этимологически связано с древнерусскими *нету, нетути*, которые присутствуют в письменных памятниках, начиная с XIV века.

Предикатив *нет* употребляется как эквивалент отрицательного предложения или его главного члена в ответных репликах и представляет собой релятив. Прототип *нет* относится к лексико-грамматическим языковым средствам, и его семантика психологически более значима, чем семантика иных языковых средств, передающих понятие *отрицание*. В пределах сформированной в сознании человека наивной картины мира слово *нет* является наиболее точным и ярким языковым репрезентантом.

В русском языке понятие *отрицание* представляют и иные грамматические средства: 1) частица *не*, способная находиться перед любой словоформой; 2) усилительная частица *ни*; 3) отрицательные местоимения и наречия с префиксом *не-* (*некого, негде*); 4) местоимения и местоименные слова с префиксом *ни-* (*никто, ничто*); 5) двойное отрицание, которое является особенностью русского и других славянских языков.

Расположив понятия *отрицание* и *отсутствие* на оси переходности, можно выделить центр пересечения сегментов, которым будет слово *нет*, а перечисленные грамматические средства будут находиться в периферийной зоне понятия *отрицание*.

Аналогично можно представить корреляцию понятий *отсутствие* и *пустота*. Несмотря на то, что философы не раз обращались к понятию *пустота*, оно так и не перешло в разряд категорий, хотя его значимость для мировоззрения и мировосприятия человека является достаточно важной. «По словам из текста, приписываемого китайскому философу Лао-дзы, самое главное в сосуде как раз то, чего в нем нет, *пустота*, то, что может быть заполнено («Полезность имеющегося зависит от пустоты»)» [8, с. 11].

Понятия *отсутствие* и *пустота* также имеют общий языковой репрезентант, выраженный деривационным элементом *без-* или предлогом *без*. Префикс *без-* развился из предлога *без*, восходящего к праславянскому **bez*. Первичное значение 'вне, снаружи' дополняется значением 'недостает до чего-то' (например, «Кланялась молада без стіл до батенька» [5, с. 224]). И только потом появляется значение 'лишенный того, что названо производным словом': например, *безусый*.

Учитывая то, что способность человека к категоризации связана с его способностью создавать образы, метафоры, метонимии, то в поэтической речи можно наблюдать слияние понятий *отсутствие* и *пустота* в едином языковом репрезентанте. Например, в отрывке из стихотворения К. Д. Бальмонта «Безглагольность», созданном в 1900 году [1, с. 170]:

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,

Безвыходность горя, *безгласность*, *безбрежность*,
Холодная высь, уходящие дали.
Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. *Безглагольность* покоя
Луга убегают далеко-далеко.
Во всем утомленье — глухое, немое.

Когнитивный взгляд на категоризацию основывается прежде всего на особенностях восприятия, культуре, ментальности. Например, состояние внутренней опустошенности созвучно ощущению тоски в русском сознании. Даже название стихотворения указывает на особенности русского восприятия окружающего мира. Слова с префиксом *без-*, реализующие понятие *отсутствие*, выступают контекстуальными синонимами в создании образа лирического героя с пустотой внутри себя, в душе. Поэт передает настроение, внутреннее состояние посредством описания пейзажа, который соответствует психологическому состоянию героя. Абстрактные образования *безгласность*, *безглагольность* с суффиксом *-ость* являются окказиональными, поскольку лексикографические источники фиксируют только адъективы *безгласный*, *безглагольный*. Метафора *безвыходность горя*, созданная на основе словосочетаний-штампов *безвыходность ситуации / положения*, относится к индивидуально-авторским образованиям. Локализация авторских неологизмов с деривационным элементом *без-* и с другими префиксами (например, *недвижный*) подчеркивает соединение понятий *отсутствие* и *пустота* в одно целое.

Общеизвестно, что префикс *без-* равнозначен префиксам *не-* и *а-*. Например, слова с этими префиксами могут быть синонимами: *безнравственный* – *аморальный*; *безбедный* – *небедный*; *асимметричный* – *несимметричный*. Однако уточним: наиболее частотным является префикс *без-*, и именно он будет центром пересечения, если на оси переходности поместить понятия *отсутствие* и *пустота*. В периферийной зоне понятия *пустота* находятся лексические единицы, в составе которых присутствуют префиксы *не-* и *а-*, а в значении – сема ‘*пустой*’.

Опираясь на принцип экспланаторности, лингвисты относят концепт *пустота* к отрицательным, так как со словом *пустой* образуются номинативные единицы с негативной коннотацией: *пустой человек*, *пустое занятие*, *пустая голова*, *пустые слова* и т.п. Деривационный потенциал основы *пустой* реализуется также в субстантивах с пейоративным значением: *пустомеля*, *пустозвон*, *пустослов*, *пустопорожний*, *пустоцвет*, *пустошь* и аналогичных образованиях.

В центре внимания когнитивной лингвистики находятся языковые знания, источником которых есть опыт и моральные ценности людей определенного этноса. Поэтому передача знаний часто происходит с помощью сформированных моделей в сознании человека, которые находят свое воплощение во фразеологизмах, поговорках или афоризмах, о чем свидетельствует выражение «*Доброта без разума пуста*». В приведенном примере понятие *пустота* выражено кратким прилагательным с аналогичным корнем и подчеркнуто с помощью предлога *без*.

Понятие *пустота* так же вербализируется в целой группе именных лексем – *бездна*, *пропасть*, *яма*, *прорва*, *дыра*. Их контекстуальная интерпретация позволяет расширить сему ‘*пустой*’ и описывать понятие *пустота* в тесной связи с концептом *пространство*.

Корреляцию понятия *отсутствие* с понятиями *отрицание* и *пустота* можно представить схематически (рис. 1), где зоны пересечений и наложений представляют собой общие средства языкового выражения.

Рис. 1. Корреляция понятия *отсутствие* с понятиями *отрицание* и *пустота*

Особенности проявления понятия *отсутствие* в языке связаны, прежде всего, с тем, что выделение какого-то понятия в языковом сознании человека возможно лишь тогда, когда для его номинации в языке появляется соответствующее слово. Происходит структурирование наивной картины мира с помощью обобщений, которые можно объяснить посредством того, что в языке появилось ранее. В словосочетаниях *нет мужа / без мужа, нет опыта / без опыта* и аналогичных главными словами являются слова *нет* и *без*: от них ставятся вопросы «Кого? Чего?». В результате возникновения нового слова семантическим ядром понятия *отсутствие* становится лексема, в которой прототипы *нет* и *без* уже проявляются имплицитно.

Приведем небольшую таблицу (табл. 1.) с примерами, наглядно поясняющими вышесказанное.

Таблица 1.

Лексическое выражение понятия *отсутствие*

Репрезентант <i>нет</i>	Лексема	Репрезентант <i>без</i>
нет мужа	<i>вдова</i>	без мужа
нет жены	<i>холостяк</i>	без жены
нет родителей	<i>сирота</i>	без родителей
нет зрения	<i>слепой</i>	без зрения
нет никого	<i>одинокий</i>	без никого
нет волос	<i>бритый</i>	без волос
нет волос	<i>лысый</i>	без волос
нет одежды	<i>голый</i>	без одежды
нет опыта	<i>дилетант</i>	без опыта
нет звука	<i>молчание</i>	без звука
нет звука	<i>тишина</i>	без звука

В каждом конкретном примере языковые репрезентанты *нет* и *без* имеют дополнительное значение. Например, у *вдовы* и *холостяка* нет соответственно мужа и жены, но у *вдовы* нет мужа, потому что она его потеряла и осталась одна, а у *холостяка*, напротив, нет жены, потому что он ее еще не обрел, не обзавелся семьей. *Сиротой* и *слепым* человек мог стать или же быть с младенческих лет. Слово *одинокий* определяет человека (мужчину, женщину), не имеющего близких, родных. В русской языковой картине мира представление об одиночестве связано с чувствами жалости и сочувствия.

Слово *бритый* (нет волос / без волос) в разных контекстах может иметь не только разное концептуальное значение ('безусый, безбородый или с прической «под ноль», осужденный, подготовленный к операции пациент, стильный молодой человек или девушка'), но и различные коннотации. Синонимы *лысый* и *плешивый* стилистически неоднородны и могут заменить адекватно *бритый* только в случае обозначения человека, у которого выпали или не растут волосы на голове. Грамматические различия, позволяющие образование других частей речи от корневых морфем анализируемых слов, влекут за собой дальнейшие семантические изменения. Например, метафорическое расширение значений слов: «Вершины гор были совершенно *лысы*», «Местами были видны *плешины* в весенних всходах». В приведенных примерах формирование нового значения происходит на основе переноса значения с внешнего вида части тела человека на окружающую действительность. Именно в этом проявляется конкретность и антропонимичность когнитивных метафор.

Дефиниция *голый* в современном русском языке имеет несколько значений. В первом значении – 'тот, на котором нет одежды' – включается в один синонимический ряд со словами *нагой, обнаженный, оголенный*. Обратившись к этимологической справке, уточним, что указанное значение является первичным, а слово *голый* относится к общеславянской лексике. Полагают, что праславянское **golъ*, т.е. *голь* (*голый*) значило 'лишенный волос'. В близкородственном украинском языке сохраняется глагол *голити* 'брить'. В этом значении слово *голый* может употребляться в словосочетании *голый подбородок*. Производное значение – 'лишенный растительного покрова' – зафиксировано в современных лексикографических источниках и входит в состав словосочетаний: *голый птенец, голая земля, голое дерево*. В памятниках древнерусского языка встречается субстантив *голина* 'голая земля'. В словарный состав украинского языка включены лексические

единицы *голиця* 'чистое, без деревьев поле', *гілка* 'голый прут, ветвь'. Слово *голый* имеет соответствия во многих индоевропейских языках, а семантическая реконструкция свидетельствует об архаичности этого слова. Третье значение слова *голый* имеет только полная форма имени прилагательного — 'такой, который ничем не покрыт, не украшен': *голый матрац, голые стены*. В разговорном стиле слово *голый* употребляется в переносном значении 'без пояснений, не приукрашенный': *голая правда, голая статистика*. От прилагательного *голый* образован субстантив *голь*, имеющий два значения: 'местность, лишенная растительности' (*голь степи*); 'беднота' (*голь на выдумку хитра*). Вторичное значение 'без денег, без имущества' может быть представлено краткой формой прилагательного *гол* в фольклоре: *гол как сокол*. Последнее происходит от свободного сравнительного оборота *гол, как сокол*, в котором слово *сокол* обозначало старинное стенобитное орудие, представляющее собой совершенно гладкую (*голюю*) чугунную болванку, закрепленную на цепях. Для русской ментальности употребление эпитета *голый* к человеку являлось оскорбительным и унижительным. Поэтому в языке существует множество заменяющих его эвфемизмов: *в костюме Адама или Евы, в натуральном виде, в чем мать родила*. Иногда приведенные выражения передают иронию, но всегда более толерантны, чем характеристика *голый*.

Слово *дилетант* заимствовано из итальянского (*dilettante* — 'любитель') в начале XIX века и при адаптации в русском языке сразу приобрело негативную коннотацию. В этом проявился национальный характер концептуализации мира, поскольку такие понятия, как «услаждаться, забавляться» в русской языковой ментальности вызывали неодобрение. *Дилетантом* может быть человек, занимающийся наукой, искусством, практической деятельностью, не имея при этом соответствующей подготовки и навыков. В последние десятилетия это слово расширило свое значение: *дилетантом* может быть выдающийся ученый и практик (например, хирург), но не в сфере своей деятельности, а в другой сфере (например, в садоводстве или выращивании овощей).

Особого внимания заслуживает слово *молчание*. Семантика слова *молчание* имеет изначально антропонимическую сущность, поскольку образовано от глагола, выступающего антонимом глаголу *говорить*. Глагол *молчать* имеет в русском языке четыре значения. Первое значение — 'не говорить, не издавать звуков голосом', второе — 'не нарушать тишины, не производить звуков', третье — 'не рассказывать, хранить в тайне', четвертое с пометкой разговорное — 'не сообщать о себе, не писать писем' [4, с. 465]. Синонимом к отглагольному слову *молчание* в первом значении выступает антропонимическое слово *безмолвие*, поскольку способностью говорить наделен только человек. Слова *тишина, тишь, безмолвие* являются синонимами ко второму значению. Слово *тишина* как отсутствие звуков, шума и иных акустических воздействий может быть антропонимическим, и в тоже время может быть не связанным с человеческой деятельностью, так как звуки способны воспроизводить не только люди. Например, тишину в лесу можно объяснить тем, что не слышно пения птиц, а не человеческого голоса или топора лесоруба. Для русской ментальности имеет важность третье значение, поскольку ценным качеством человека является умение промолчать, хранить тайну, что нашло отражение в пословице «*Молчание — золото*». В.В. Бибихин, размышляя над теорией внутренней формы слова А.А. Потебни, пишет: «Отношение, несение на себе не каких-то, а любых вещей, мира, — существо человека. Мир открывается ему прежде всего в опыте мира, согласия, знак которого — молчание. Чувство нам придется еще расширить, уже не только до опыта, но до настроения, как сам Потебня это мельком и делает, и до основного настроения — настроения мира, когда человек дает в себе место Целому, в согласии с согласием целого. Молчание — знак согласия» [2, с. 158]. Особыми эмоциями наполнено содержание устойчивого выражения «Минута *молчания*». Минутная тишина в коллективе в знак памяти ушедших из жизни людей всегда наполнена скорбью и печалью.

Исходя из наших наблюдений, можно утверждать, что языковая система не всегда опирается на принцип языковой экономии, так как не только допускает дублирование понятий, но и расширяется за счет новых слов, которых требует функционирование языка. Лексические средства выражения понятия *отсутствие* появились в силу того, что языковые прототипы *нет* и *без* были семантически неполными, не выражали субъективных нюансов, которые приобрели конкретные слова. В процессе концептуализации мира появ-

вившиеся слова наращивали семантические пласты и позже становились концептами (например, концепт *молчание*).

Концептуальный анализ языковых фактов свидетельствует о том, что понятие *отсутствие* и понятия *отрицание* и *пустота* могут находиться на семантической оси переходности, а их корреляция будет зависеть от материальных репрезентантов. Таким образом, мы наметили лишь некоторые пути изучения данных понятий, поскольку исследуемая проблема является достаточно сложной, и в рамках статьи не может быть полностью освещена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальмонт К. Д. Стихотворения / К. Д. Бальмонт / — М. : Худож. лит., 1990. — 397 с. (Классики и современники. Поэтич. биб-ка).
2. Биbihин В. В. Внутренняя форма слова / В. В. Биbihин / — СПб. : Наука, 2008. — 420 с. — (Слово о сущем).
3. Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка / Н. Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — №33(248). — Филология. Искусствоведение. Вып. 60. — С. 11-16.
4. Комплексный словарь русского языка / А.Н. Тихонов, Е.Н. Тихонова, С.А. Тихонов и др.: под ред. д-ра филол. наук А. Н. Тихонова. — 4-е изд., стереотип. — М. : Рус. Яз. — Медиа; Дрофа, 2009. — XVI, 1228, [4].
5. Потebня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. 1. Существительное. Прилагательное Числительное. Местоимение. Член. Союз. Предлог / А. А. Потebня. — М. : Просвещение, 1985. — 319 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер / В 4-х т.: Пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch /Перевод и дополнения О. Н. Трубачёва. — 4-е изд., стереотип. — М. : Астрель — АСТ, 2004. — Т. 1. — 588 с., Т. 2. — 671 с., Т. 3. — 830 с.
7. Философский энциклопедический словарь / Сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. — М. : ИНФРА, 1998. — 576 с.
8. Харченко В. К. Белые пятна на карте современной лингвистики: книга рисков / В. К. Харченко. — М. : Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2008. — 168 с.